

Валентин Красногоров

Рыцарские страсти

Мюзикл в двух частях

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на пьесу защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается ее издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по ней в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст пьесы при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес, рецензии, список постановок](#)

См. также мой сайт:

<http://krasnogorov.com/>

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689

(972)-53-527-4146, (972) 53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

-© Валентин Красногоров

ПРИМЕЧАНИЕ:

Эта комедия играется как в музыкальных, так и в драматических театрах. Данный вариант предназначен для театров, владеющих жанром мюзикла. Для драматических театров может быть предложен вариант с меньшим количеством пения и танца.

Предисловие автора

Это современная пьеса о любви, несмотря на то, что она облечена в форму веселой испанской комедии «плаща и шпаги» с ее интригами, роскошными костюмами, дуэлями, серенадами, похищениями и приключениями. Но на самом деле это пьеса о настоящей и не всегда настоящей любви (тема, которой сегодня так не хватает в театре, особенно, в произведениях для молодежи). Композитор В. Плешак написал к этой пьесе яркую музыку. У пьесы счастливая театральная судьба. Под разными названиями она поставлена в 25 драматических и музыкальных театрах и остается в репертуаре по много лет.

РЕЖИССЕР ВЛАДИМИР ФИЛИМОНОВ: «Два враждующих старинных рода и молодые влюбленные, вражду эту преодолевающие. Почти шекспировские страсти. Но: как философски заметил классик, - все в мире повторяется - один раз в виде трагедии, второй - в виде фарса. Нашему театру по жанру все же ближе фарс, а потому мы и поставили пьесу В. Красногорова, а не Шекспира - получилась замечательная музыкальная комедия. У авторов текста и музыки хорошее чувство юмора, поэтому спектакль наполнен шутками, веселыми неожиданностями, забавной интригой и, конечно же, имеет счастливый конец. Этот спектакль идет на сцене нашего театра уже более 17 лет с постоянным успехом у зрителей».

Действующие лица:

БАРОН

АМАРАНТА, ЕГО ДОЧЬ

ГРАФИНЯ

ДОН ФЕЛИС, ЕЕ СЫН

ДОН РОДРИГО

ПЕДРО, ЕГО СЛУГА

МОНАХ

ЭЛИСА, СЛУЖАНКА АМАРАНТЫ

СЛУГА БАРОНА

АРХИВАРИУС

КАПИТАН СТРАЖНИКОВ

СТРАЖНИКИ

СЛУГИ

СЛУЖАНКИ

Замки, дуэли, гитары, пиры, менестрели,
Шпаги, рапиры, турниры - то явь или бред?
Башни, мечи, палачи, соловьиные трели –
Было ль все это взаправду иль нет?

Грешники, ведьмы, колдуньи, кинжалы, кольчуги,
Стражники, плахи, монахи – то явь или бред?
Гордые графы, сеньоры, лукавые слуги –
Было ль все это взаправду иль нет?

Тайны, плащи, серенады, проклятья, признанья,
Маски, решетки, красотки – то явь или бред?
Бегства, погони, осады, лобзанья, свиданья –
Было ль все это взаправду иль нет?

Часть первая

Сад перед замком Барона, обнесенный крепостной стеной. У ворот и илагдаумов стоят бдительные часовые. Под мужественную мелодию марша Капитан стражи разводит караулы. Появляется Барон, озабоченный и встревоженный. Барон тщательно проверяет посты.

БАРОН. Эй, капитан!

КАПИТАН СТРАЖИ. *(Подскакивая к Барону и вытягиваясь в струнку.)* Да, господин барон?

БАРОН. Все ли выходы охраняются?

КАПИТАН СТРАЖИ. Так точно, господин барон. В замок не проникнет даже мышь.

БАРОН. Я жду одну особу. Пропустите ее по предъявлении моего письма.

КАПИТАН СТРАЖИ. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Входит Слуга.

СЛУГА. Господин барон, к вам пожаловала дама.

БАРОН. Проси. Проси немедленно.

Слуга вводит женщину и уходит. Лицо дамы прикрито вуалью. Барон встречает ее с изысканной церемонностью.

БАРОН. *(Ведя в танце Графиню.)*

Графиня милая, прошу, добро пожаловать,
Бойтесь вы меня визитами избаловать,
Но вы пришли, как солнце, в замок мой, и, стало быть,
Я не напрасно с нетерпением ждал вас.

ГРАФИНЯ.

Благодарю, барон, я вас увидеть счастлива,
Вы настоящий рыцарь, мне поверьте на слово,
И недостойна я приема столь прекрасного,
Я говорю вам это просто, без прикрас.

БАРОН.

Графиня, я солдат и не привык к любезностям
И равнодушен был всегда к телячьим нежностям,
Но чтобы чувств моих узнали неизменность вы,
Позвольте просто вам букет преподнести.

Вручает графине роскошный букет роз.

ГРАФИНЯ.

Вы так приветливы, барон, и так внимательны,
И комплименты ваши столь очаровательны,
Боюсь, меня вы покорили окончательно...
Но не пора ли нам и к делу перейти?

БАРОН. *(Оживляясь и теряя чопорность.)* К делу? С удовольствием! Будем говорить откровенно или со всякими фигли-миглями?

ГРАФИНЯ. Только откровенно.

БАРОН. Прекрасно.

Я ненавижу, ненавижу, ненавижу вас,
И делом эту ненависть я доказал не раз,
И с радостью бы вышвырнул отсюда вас тотчас,
Когда бы мог один беду предотвратить.

ГРАФИНЯ.

Угрозы ваши и глупы, и безответственны,
Боюсь, от старости и пьянства впали в детство вы.
Легко глумиться вам над незащитной женщиной,
Будь я мужчиной, я б сумела отомстить.

Танец.

БАРОН.

Мы направленье разговора взяли ложное,
А положение и так чертовски сложное,
Вам предлагаю разногласья спрятать в ножны я
И перемирие на время заключить.

ГРАФИНЯ.

Вы правы, надо прочь отбросить все сомнения
И дружно действовать для общего спасения,
Опасность нам грозит, - и мы без промедления
Свои усилия должны объединить.

БАРОН. Совершенно верно, графиня. Я не напрасно надеялся на вашу мудрость. Мы с вами уже не молоды (*Графиня откидывает вуаль*), кровь наша холодна, и мы способны спокойно взвесить... (*Взглянув на Графиню.*) Черт возьми, кто вы такая?

ГРАФИНЯ. Я вас не понимаю

БАРОН. Я приглашал сюда графиню де Маравилья, а вы кто?

ГРАФИНЯ. Я и есть графиня.

БАРОН. (*Швыряя ей меч.*) Клянись в этом на мече.

ГРАФИНЯ. (*Оскорбленная, встает.*) Я лучше вернусь в свой замок.

БАРОН. (*Преграждая ей дорогу.*) Клянись, вам говорят!

ГРАФИНЯ. (*Дрожаящим голосом.*) Именем всемогущего бога клянусь в том, что я действительно являюсь графиней Юлией де Маравилья лас Вегас де Альпухара лос Кастильос, маркизой де Кастро де Сан Себастьян.

БАРОН. Аминь.

ГРАФИНЯ. Однако вы недоверчивы.

БАРОН. Я ведь никогда вас не видел, даже издали.

ГРАФИНЯ. Неужели я выгляжу обманщицей?

БАРОН. Вы выглядите девчонкой, и я не понимаю, как это может быть. Ведь у вас уже взрослый сын, причина всех наших несчастий.

ГРАФИНЯ. Когда я вышла замуж за покойного графа, мне не было еще и семнадцати.

БАРОН. Вы и сейчас выглядите немногим старше... Но к делу, сеньора.

ГРАФИНЯ. К делу, барон.

БАРОН. Ваш сын и моя дочь полюбили друг друга. Наш долг их разлучить.

ГРАФИНЯ. Ненависть, которая разделяет наши семьи, делает их союз невозможным. Я отсылала сына в долгое путешествие, но разлука не помогла.

БАРОН. Увы. Моя дочь еще сильнее тоскует по молодому графу. Я мог бы, конечно, выдать Амаранту за кого-нибудь силой, но боюсь, что это ее угробит.

ГРАФИНЯ. Будьте тверже – ведь вы отец и мужчина. Меня в свое время никто не спрашивал, хочу ли я замуж за графа.

БАРОН. Не успел ваш сын вернуться, как снова начались послания и серенады. Я дал слово повесить каждого, кто передает записки, но даже страх виселицы не останавливает этих проходимцев.

ГРАФИНЯ. Неужели положение так серьезно?

БАРОН. Я не удивлюсь, если дон Фелис завтра ее похитит. *(Зовет.)* Эй, кто там! *(Вошедшему Слуге.)* Скажи капитану, пусть проверит, все ли часовые на местах. Отлучившихся – повесить.

СЛУГА. Слушаюсь. *(Уходит.)*

БАРОН. *(В отчаянии.)* Я чувствую себя, как в осажденной крепости. Вместо того, чтобы охотиться с моими любимыми псами, я дни и ночи торчу в замке, ожидая самого худшего. *(Помявшись.)* Графиня, собственно говоря, я пригласил вас для того, чтобы... Одним словом, я прошу вас поселиться временно здесь под видом моей кухни.

ГРАФИНЯ. Мне? В доме врага? Ни за что! И моя репутация...

БАРОН. Они что-то замышляют, я это чувствую, но не могу понять, что. А вы женщина и лучше меня подберете ключ к тайнам Амаранты.

Я на коленях умоляю вас о помощи,
Иначе может ведь случиться и не то еще,
Должны вы бросить круг, когда вас молит тонуций,
И день-другой здесь дочь мою посторожить.

ГРАФИНЯ.

Ах, предложенье ваше, право, неожиданно,
Под крышей жить одной с врагом, - где это видано.
И что я - дама, упустили вы из вида... Но,
Пожалуй, я согласна буду уступить.

БАРОН. Спасибо, графиня, вы самоотверженная женщина.

ГРАФИНЯ. Любящая мать пойдет на все, чтобы спасти сына от женитьбы. Вы уверены, что никто из слуг меня не знает?

БАРОН. Абсолютно. Разве что Алонсо... Но это легко исправить. *(Хлопает в ладоши.)*

СЛУГА. *(Мгновенно появляясь.)* Да, сеньор?

БАРОН. Скажи, чтобы повесили Алонсо.

ГРАФИНЯ. Барон, это слишком. Я же всего на день-два...

БАРОН. Ну хорошо. Замуруйте его живьем в стену. Только дня через три не забудьте выпустить.

СЛУГА. Слушаюсь. *(Выходит.)*

ГРАФИНЯ. Наметим план действий.

БАРОН. Я предлагаю посоветоваться с моим священником. Человек он дошлый. Эй, кто там! *(Появляется Слуга.)* Позовите сюда монаха!

СЛУГА. Слушаюсь. *(Выходит.)*

ГРАФИНЯ. Насколько мне известно, наши дети виделись всего два или три раза. Не понимаю, в чем причина их необыкновенной страсти.

БАРОН. Причина в том, что мы с вами единственные приличные семьи на сто миль вокруг. У них просто не было выбора.

ГРАФИНЯ. Но все-таки должна быть какая-то духовная близость...

БАРОН. Да при чем тут близость? Скольким из нас девушка казалась ангелом только потому, что платью хорошо облегалось ее фигуру! Я и сам прельстился так в свое время покойной баронессой и на долгие годы был за это наказан. *(Крестится.)* Я решил попробовать, хоть и с запозданием, подсунуть Амаранте другого парня. Сегодня жених будет здесь.

ГРАФИНЯ. Он красив?

БАРОН. Не знаю. Последний раз я видел Родриго, когда ему было шесть лет. Его отец – мой старинный друг, можно сказать, брат.

СЛУГА. *(Входя.)* Ваша милость, какой-то шалопаи пытался передать сеньорите письмо.

БАРОН. Немедленно сожгите.

СЛУГА. Невозможно. Негодяй успел его проглотить.

БАРОН. Тогда сожгите письмо вместе с этим бездельником.

СЛУГА. Слушаюсь. *(Выходит.)*

Входит Монах, толстый красноносый детина.

МОНАХ. *(Кланяясь.)* Что угодно вашим милостям?

БАРОН. Какие ты знаешь средства от любви?

МОНАХ. Я знаю их все.

БАРОН. Выкладывай по порядку.

МОНАХ. Во-первых, надо постараться вспомнить недостатки вашей возлюбленной. Попробуйте как можно ярче представить себе ее толстоватые ноги, кривоватые зубы, маловатую грудь...

БАРОН. Стоп. Такое лекарство хорошо лишь для тех, кто сам желает излечиться. Мы же имеем обратный случай.

МОНАХ. Ясно. Разлуку пробовали?

ГРАФИНЯ. Безуспешно.

МОНАХ. *(Осторожно.)* А может, раз дело приняло такой оборот, обвенчать молодых людей, да и дело с концом?

БАРОН. «Обвенчать»? Разве не знаешь ты, жирный гусь, о непримиримой вражде наших семей и великой клятве не родниться с этими ублюдками?

ГРАФИНЯ. Барон, вы забываетесь!

БАРОН. Прошу прощения, кузина.

МОНАХ. Тогда есть верный способ – клевета.

ГРАФИНЯ. Вы забыли еще одно средство, с которого надо было начать. Что может оказать большее влияние на молодую девушку, чем увещания ее духовного наставника?

МОНАХ. Увы, сеньора, молодежь не любит душеспасительных бесед. Она глуха к советам старших и полна нетерпения сама совершить свои собственные ошибки. Но если вашим милостям угодно, я приложу все свое красноречие.

БАРОН. Прекрасно. Эй, кто там! *(Вошедшему Слуге.)* Пусть капитан стражи освободит Амаранту из-под стражи и доставит ее сюда.

СЛУГА. Слушаюсь. *(Выходит.)*

МОНАХ. У меня что-то пересохло в горле. Разрешите перед беседой окропить его святой водой. *(Уходит.)*

БАРОН. Графиня, не будьте щепетильной. Клеветать – так клеветать. Я, со своей стороны, разрешаю – нет, черт побери, прошу! – наговорить вашему сыну об Амаранте как можно больше всяких гадостей.

ГРАФИНЯ. Но что я могу наговорить о девушке, которую даже в глаза видела?

БАРОН. Все, что угодно.

ГРАФИНЯ. Ну... тогда я скажу, что она вертлява, лицемерна...

БАРОН. Замечательно.

ГРАФИНЯ. Что она развратна...

БАРОН. Очень хорошо.

ГРАФИНЯ. ...Что она низкого происхождения...

БАРОН. Сеньора! Вы забываетесь!

ГРАФИНЯ. Но ведь вы сами дали мне полную свободу слова.

БАРОН. И при полной свободе слова полагается молчать о многих вещах. Я прошу вас не касаться ничего, что позорило бы мой древний род. И даже наша непримиримая вражда не дает вам права...

ГРАФИНЯ. *(Прерывая.)* Кстати, барон. Вы не объясните заодно, в чем причина нашей непримиримой вражды?

БАРОН. Как, вы ничего об этом не знаете?!

ГРАФИНЯ. Мне неудобно в этом признаваться, но... Очевидно, ссора произошла еще до моего замужества.

БАРОН. *(Укоризненно.)* Задолго до него, сеньора. Вы меня просто удивляете. Неужели вам неизвестно, что наши семьи поссорились четыреста лет назад?

ГРАФИНЯ. Четыреста лет?!

БАРОН. Да, графиня. Четыре века вражды – это уже традиция. Ее надо оберегать. Итак, слушайте. Четыреста одиннадцать лет назад... *(Считает по пальцам.)* Или нет, четыреста двенадцать... М-да... И вот мой предок, барон... Или он был тогда маркиз? Барон или маркиз? Склероз. И вот, значит... Хоть убейте, но я все забыл.

ГРАФИНЯ. А может быть, мы вовсе и не в ссоре?

БАРОН. Нет, ссора была, это я помню точно. Эй, люди!

СЛУГА. *(Мгновенно появляясь.)* Что угодно, сеньор?

БАРОН. Позови архивариуса. Бегом!

СЛУГА. Слушаюсь. *(Исчезает.)*

ГРАФИНЯ. Как великолепно у вас вышколены слуги.

БАРОН. Естественный отбор, сеньора. Невеликолепную челядь я просто... *(Делает движение рукой вокруг шеи.)* ...отправляю служить иному владыке.

Подобострастно кланяясь, входит Архивариус.

АРХИВАРИУС. Вы меня звали, господин барон?

БАРОН. Скажи, архивариус, с каких пор и почему враждуют семьи графа и мои?

АРХИВАРИУС. Мне трудно сразу ответить. Это было слишком давно.

БАРОН. Выясни немедленно. Перерой все архивы, не жалея ни сил, ни трудов. Чтобы сегодня же все было ясно.

АРХИВАРИУС. Сегодня?

БАРОН. *(Угрожающе.)* Не то...

АРХИВАРИУС. Слушаюсь, ваша милость. *(Кланяясь, пятится к выходу.)*

Входит Амаранта в сопровождении Слуги и стражников.

БАРОН. Амаранта, познакомься со своей тетушкой.

Амаранта делает реверанс.

(Слуге.) Проводите сеньору в ее покои.

Графиня в сопровождении Слуги уходит.

Амаранта, скоро к тебе пожалует в гости дон Родриго – молодой красавец, рыцарь и поэт. Слава о нем гремит по всей Испании.

АМАРАНТА. Первый раз слышу. Должно быть, гром этот какой-то особый, беззвучный.

БАРОН. Чтобы развеселить тебя еще больше, могу объявить и другую новость: твоя охрана отменяется... Почти отменяется. *(Делает знак стражникам. Они уходят.)*

АМАРАНТА. *(Встревожено.)* Что-нибудь случилось?

БАРОН. Нет, ничего. Просто дон Фелис... Гм...

АМАРАНТА. Заболел? Уехал?

БАРОН. И то, и другое. К тому же, он собирается жениться.

АМАРАНТА. *(Пылко.)* Куда бы он ни уехал, чем бы он ни болел, на ком бы ни женился, я буду принадлежать только ему!

Входит Монах.

БАРОН. Если ты не хочешь покориться родному отцу, выслушай, что скажет тебе отец духовный.

МОНАХ. *(Благочестиво.)* Здравствуй, дитя мое. Неужели правда, что ты питаешь любовь к этому развратному, распущенному, развязному, разнузданному разгильдю дону Фелису?

АМАРАНТА. Неужели он так гнусен?

МОНАХ. Я назову его пороки по алфавиту, а ты повторяй их за мной как «отче наш». *(Поет.)*

Дон Фелис алкоголик, бабник, волокита, глупец,
Дурак он, изувер, лицемер, растлитель, сквернослов,
Трус, упрямец, фанфарон, хам, циник, чревоугодник,
Шут, эгоист, юродивый, язычник!

БАРОН. Алфавит кончился, святой отец.

МОНАХ. Уже! Но не кончились его пороки! Дон Фелис мстительный, мнительный, язвительный, раздражительный! Повторяй за мной: дон Фелис алкоголик...

АМАРАНТА. Дон Фелис алкоголик...

Снова поют «Алфавит».

МОНАХ. ...Юродивый...

АМАРАНТА. Юродивый...

МОНАХ и АМАРАНТА. ...Язычник!

БАРОН. *(Зевая.)* Продолжайте, ваше преподобие, в том же духе. *(Уходит.)*

МОНАХ. *(Начинает снова.)* Дон Фелис алкоголик, бабник, волокита, глупец...

АМАРАНТА. Хватит, папа уже далеко.

МОНАХ. *(Оглядевшись.)* Ну и слава богу.

АМАРАНТА. Принес письмо?

МОНАХ. А как же.

АМАРАНТА. Так давай же его скорее!

МОНАХ. А почтовый сбор?

АМАРАНТА. Разве тебе не заплатили?

МОНАХ. Не мне, а господу богу. Дон Фелис одаривает щедро, но я ведь рискую головой.

АМАРАНТА. Держи. *(Кидает ему кошелек и жадно читает письмо.)* Ах, сегодня он будет здесь!

МОНАХ. Сказать по правде, я восхищаюсь молодым графом. Он красив, щедр, смел...

(Замечает входящую Графиню.) ...труслив, скуп и уродлив. И потому я заклинаю тебя: забудь этого нечестивца дона Фелиса.

ГРАФИНЯ. Спасибо, святой отец. Идите с миром. (Вручает ему кошелек.)

МОНАХ. (Радостно.) Пойду молиться за ваше здоровье. (Уходит, доставая на ходу флягу.)

ГРАФИНЯ. Дай мне рассмотреть тебя поближе. До чего же ты хороша!

АМАРАНТА. Какое на вас чудное платье! Я так рада, что вы приехали, а то мне не с кем словом перемолвиться!

ГРАФИНЯ. А твой отец?

АМАРАНТА. О чем взрослая дочь может говорить с отцом?

ГРАФИНЯ. А тебе есть о чем рассказать?

АМАРАНТА. (Восторженно.) Ах, тетушка, если бы вы только знали!

ГРАФИНЯ. Мне кажется, я знаю, что случилось:

В один прекрасный день проснулась ты...

АМАРАНТА. ...И поняла – все в мире изменилось,

Все стало полным счастья и мечты.

ГРАФИНЯ. Загрезились неведомые дали,
И стало все особенным вокруг,
Не правда ли?

АМАРАНТА. Но как вы угадали?

ГРАФИНЯ. Была и я ведь молода, мой друг.

Я вижу, вижу, что с тобой творится.

АМАРАНТА. Ах, выдают меня мои глаза!

ГРАФИНЯ. И хочется твоей душе излиться

То в песне, то в веселье, то в слезах.

АМАРАНТА. Теперь я знаю, что со мной творится!

ГРАФИНЯ. Ведь счастье светится в твоих глазах...

АМАРАНТА. И хочется моей душе излиться

То в песне, то в веселье, то в слезах.

Вместе.

ГРАФИНЯ. Любовь и радость в грудь твою стучатся,

Она пришла к тебе – твоя весна!

Душа томится в ожиданьи счастья,

И сердце пробуждается от сна.

АМАРАНТА. Любовь и радость в грудь мою стучатся,

Она пришла ко мне – моя весна!

Душа томится в ожиданьи счастья,

И сердце пробуждается от сна.

АМАРАНТА. А папа вбил себе в голову, что наши семьи – злейшие враги.

ГРАФИНЯ. Разве это не так?

АМАРАНТА. Подумайте – неужели я могу считать моего милого рыцаря врагом?

ГРАФИНЯ. Да, но его семья...

АМАРАНТА. Да нет у него никого, кроме матери – такой доброй, умной, красивой. Я заранее обожаю ее всем сердцем. Ведь я выросла совсем одна, без материнской ласки... Я буду

графине как дочь.

Обе женщины вытирают слезы.

ГРАФИНЯ. Ты часто с ним видишься?

АМАРАНТА. Очень редко. Мне приходится дарить капитану стражи драгоценный перстень, чтобы побыть с доном Фелисом хотя бы десять минут. *(Пылко.)* Это такое счастье – быть вдвоем! За него я бы не пожалела всех сокровищ мира!

ГРАФИНЯ. *(Вспомнив о своей задаче.)* А знаешь ли ты, что твой дон Фелис обольстил уже дюжину благородных девиц?

АМАРАНТА. Я верю – ведь он такой красивый.

ГРАФИНЯ. Милая, против красоты устоять легко. Значительно труднее не поддаться обещанию жениться.

АМАРАНТА. А разве он кому-нибудь обещал?

ГРАФИНЯ. Налево и направо.. Так что ты будешь не первой в его бурной жизни.

АМАРАНТА. Умная женщина и не стремится быть у мужчины первой. Важно быть последней.

Впрочем, я вам не верю. Если бы вы видели его письма...

ГРАФИНЯ. Дорогая, не мог он писать тебе никаких писем – ведь он неграмотный.

АМАРАНТА. Да? А что вы на это скажете? *(Помахивает письмом.)* Только сейчас получила.

ГРАФИНЯ. Каким образом?

АМАРАНТА. Монах передает. Правда, мы ловко придумали?

ГРАФИНЯ. Все письма сочиняет его секретарь, а десять писцов переписывают их в двадцать адресов. И всем одно и то же – «милая, ненаглядная, огонь моей души и свет моего сердца»...

АМАРАНТА. Если это так, дону Фелису нет оправдания.

ГРАФИНЯ. Мужчины всегда найдут, чем оправдать свою измену. Они скажут, что делали это от тоски, от одиночества, из жалости к женщине и к самому себе, оттого, что их соблазнили, для самопроверки, для самоутверждения, для того, чтобы почувствовать себя молодым, от обиды, из мести, из медицинских соображений, из желания подучиться искусству любви и так далее.

АМАРАНТА. А что, они правы.

ГРАФИНЯ. К тому же, он пьет.

АМАРАНТА. У нас все пьют.

ГРАФИНЯ. Впрочем, и графиня не лучше.

АМАРАНТА. Как все свекрови.

ГРАФИНЯ. Хитрая и ревнивая старуха.

АМАРАНТА. Неправда! Все неправда! Уходите, у вас злой язык. Графиню я все равно люблю, а вас ненавижу!

ГРАФИНЯ. *(Смущена, но чувствует себя обязанной продолжать свою роль.)* Но ты должна знать правду. Пойдем, я расскажу тебе все, что знаю про дону Фелиса, и тогда наверняка ты его разлюбишь.

Графиня и Амаранта уходят. Входят Барон и Слуга.

БАРОН. Итак, графиня присмотрит за Амарантой. Наконец я могу позволить себе расслабиться.

Из-за этих волнений я не мог даже проведать моих собак. Ты их навелитил?

СЛУГА. Да, ваша милость. Они здоровы и веселы.

БАРОН. Чего нельзя сказать обо мне.

СЛУГА. Они очень по вас скучают.

БАРОН. Я по ним тоже. В нашем мире подлинную любовь и верность находишь только у

животных. Проследи, чтобы их, как следует, кормили.

СЛУГА. Слушаюсь.

БАРОН. Я не охотился уже больше недели, ты представляешь?

СЛУГА. Это ужасно, господин барон.

БАРОН. Да, это ужасно. Ведь охота – это и есть настоящая жизнь! Впрочем, все на свете охотятся, только каждый за своей дичью.

Жизнь - охота, тир в карусели,
Каждый в десятку хочет попасть,
Сладостно манят вечные цели –
Деньги и слава, сила и власть!

Только охота лечит от скуки,
Только борьбою страсти сильны.
То, что само к нам падает в руки,
То никогда не имеет цены.

Каждый мужчина в сердце охотник,
Женщина – вот его главная дичь,
Он о трофеях грезит бесчисленных,
Цель его - взять, пересилить, настичь.

Женщина - дичь, но она же – охотник.
Ловят ее иль она ловит нас?
Кто на кого надевает намордник?
Чьи стрелы метче, чей опытней глаз?

Стоит прельститься хитрой приманкой,
Щелкнет зловеще жадный капкан,
Спутают сети мертвою хваткой,
Накрепко свяжет гибкий аркан.

Жизнь - охота, тир в карусели,
Каждый в десятку хочет попасть,
Сладостно манят вечные цели –
Деньги и слава, сила и власть!

Слуга уходит, но тотчас возвращается.

СЛУГА. Записка от ее милости вашей кузины.

БАРОН. (*Прочитав записку.*) Проклятье! Объявить готовность номер один! Назначить повсюду тройную стражу. Амаранту назад в карцер. Что еще... Ах да, повесьте священника, а мне подайте холодного пива.

СЛУГА. (*Нерешительно.*) Ваша милость...

БАРОН. Что такое?

СЛУГА. Вешать его преподобие не очень-то удобно...

БАРОН. Почему? Думаешь, слишком толст?

СЛУГА. Не в этом дело. Он все-таки священник, лицо духовное. К тому же, без письменного

разрешения архиепископа...

БАРОН. Зачем мне письменное разрешение? Неужели ты думаешь, что из-за таких пустяков я буду разводить пергаментную волокиту?

СЛУГА. Но...

БАРОН. Ты что, осмеливаешься мне возражать?

СЛУГА. Прошу прощения, господин барон.

БАРОН. Такие вещи я не прощаю. Иди скажи, чтобы тебя повесили.

СЛУГА. Слушаюсь. *(Направляется к выходу.)*

БАРОН. Постой. Мне некогда сейчас искать нового слугу. Так и быть, я напишу архиепископу, чтобы он лишил священника духовного сана. Посмертно. А сейчас исполняйте мои приказы. Немедленно.

Уходят. Трубачи трубят сигнал тревоги. В замке начинается суета. Во всех направлениях, путаясь и натываясь друг на друга, несутся слуги, стражники, плотники с инструментом. Капитан стражи отдает сбивчивые распоряжения.

Входят Дон Родриго и его слуга Педро. Стражники подозрительно проверяют их документы. Наконец, они проходят в сад. Дону Родриго около двадцати восьми лет, одет он с изысканной небрежностью.

ПЕДРО. Что ни говорите, дон Родриго, а замок этот странный. О войне как будто не слышать, а солдаты так и спуют.

ДОН РОДРИГО. Ерунда, Педро. Замок как замок.

ПЕДРО. Но почему же нас три раза останавливали часовые?

ДОН РОДРИГО. И всякий раз пропускали, увидев письмо барона. Стражники сказали, что он с нетерпением меня ждет. Посмотри на этот сад, на эти мирно цветущие розы, и у тебя растают все подозрения.

Педро протягивает руку к цветку, чтобы сорвать его. Раздается страшный вопль. Педро отдергивает руку и озирается. Мимо поспешно проходит Слуга.

Эй, любезный!

СЛУГА. Одну минутку. *(Исчезает.)*

ПЕДРО. Что я вам говорил? Стража вооружена до зубов, в замке суматоха, челядь мечется туда-сюда, барон и не думает нас встречать...

Опять хочет сорвать цветок, но в это мгновение снова слышится громкий вопль. Педро вздрагивает. По саду торопливо проходит Барон.

ДОН РОДРИГО. Сеньор...

Барон, не замечая пришедших, уходит.

ПЕДРО. Нет, дон Родриго, тут что-то неладно.

ДОН РОДРИГО. И так встречают меня, первого поэта Испании!

ПЕДРО. И к тому же, знатного рыцаря. Не могу понять, с чего вдруг вам взбрело в голову жениться на баронской дочке.

ДОН РОДРИГО. Вспомни, друг мой, сколько времени ты не получал от меня жалования.

ПЕДРО. Ровно год и семнадцать дней. Но какая связь...

ДОН РОДРИГО. Увы, самая прямая.

ПЕДРО. Значит, причина вашего сватовства...

ДОН РОДРИГО. ...Пиастры, пиастры, пиастры. Пиастры, которых у меня нет. Кстати, наведи при случае справки, как выглядит моя невеста. Я уже написал стихи в ее честь, которые произнесу экспромтом при нашей первой встрече.

Мимо спешит Слуга.

ПЕДРО. Послушай, дружище...

СЛУГА. Одну секундочку, господа. *(Спешит прочь.)*

ДОН РОДРИГО. Оставь их. Торопиться некуда. Как только я подумаю, что через несколько часов буду женат... *(Передергивается.)* Дай чего-нибудь выпить.

ПЕДРО. Наши бурдюки давно пусты, ваша милость. Все же я считаю, что вам - поэту, натуре меланхолической, романтической и этой, как ее... демонической – не подобает жениться по расчету.

ДОН РОДРИГО. Я женюсь по любви, Педро, по любви к дукатам. Этой любви люди не изменяют до гроба.

ПЕДРО. Подумайте еще раз, пока не поздно. Может быть, вы еще выкрутитесь.

ДОН РОДРИГО. Другими словами, Педро, ты отказываешься от жалования?

ПЕДРО. Увы, сеньор, нет. Я бедный человек и должен как-то жить.

ДОН РОДРИГО. То же самое мне говорит и мой портной, и мой сапожник, и оружейник. Все хотят жить. Никто не хочет работать на общественных началах.

ПЕДРО. Это же естественно, сеньор.

ДОН РОДРИГО. Так пойми, что и поэт тоже должен жить. Ты ведь не соглашаешься получать жалование стихами. Таковы все люди. Им нужны монеты, а не сонеты. На сонеты ничего не купишь, гони дукаты.

ПЕДРО. Но вы ведь не такой, как прочие людишки. Вы – поэт.

ДОН РОДРИГО. Вот именно. Чтобы спокойно творить, я должен иметь приличный доход и отдельный замок в центре Испании.

ПЕДРО. А донья Леонора? Неужели вы ей измените?

ДОН РОДРИГО. Какая Леонора? Ах, та... Не вспоминай о ней, не то мое сердце разорвется от горя. Поесть у нас тоже не найдется?

ПЕДРО. Нет, сеньор.

ДОН РОДРИГО. *(Вздыхая.)* На, бери шпагу. Это единственная ценность, которая у меня осталась. Продай ее или поменяй на колбасу.

ПЕДРО. Только представьте себе, какие бы поэмы вы создали, будь Леонора вашей женой!

ДОН РОДРИГО. Нет, друг мой, женщины гораздо сильнее вдохновляют мужчин, когда находятся от них на некотором расстоянии.

Педро снова тянется к цветку, и вновь раздается вопль.

ПЕДРО. *(Отдергивая руку.)* Должно быть, этот сад заколдован.

Мимо спешит Слуга.

ДОН РОДРИГО. Эй, милейший!

СЛУГА. Прошу прощения, сеньор. *(Хочет уйти.)*

ДОН РОДРИГО. *(Схватив у Педро шпагу.)* Стой, каналья, кому говорят! Разве ты не видишь, свинья, что к тебе обращается благородный рыцарь?

СЛУГА. Теперь вижу.

ДОН РОДРИГО. Что тут у вас происходит? Почему все носятся как угорелые?

СЛУГА. В замке много дела, сеньор. Мы только что замуровали Алонсо, готовимся сжечь

письмоносца, а теперь вешаем монаха.

ДОН РОДРИГО. Почему столько развлечений в один день? Какой-нибудь праздник?

СЛУГА. Нет, сеньор. Обычная текущая работа.

ПЕДРО. А почему здесь толкутся стражники?

СЛУГА. Охраняют замок от дона Фелиса.

ДОН РОДРИГО. Что это еще за «дон»? Атаман разбойников?

СЛУГА. Молодой граф, влюбленный в сеньориту.

Дон Родриго и Педро обмениваются взглядами.

ДОН РОДРИГО. Куда ты сейчас бежал?

СЛУГА. За флягой для монаха.

ДОН РОДРИГО. Зачем ему фляга?

СЛУГА. Его последнее желание. Барон приказал исполнить.

ДОН РОДРИГО. Ступай назад и доложи барону, что его ждет дон Родриго.

СЛУГА. Ваша милость, если я вернусь без фляги, хозяин меня повесит.

ДОН РОДРИГО. А если ты не пойдешь к барону, я проткну тебя шпагой. Что тебе больше нравится?

СЛУГА. *(Вздыхая.)* Слушаюсь. *(Неохотно поворачивается и уходит.)*

ПЕДРО. Как вам нравится история с этим доном Фелисом?

ДОН РОДРИГО. Совсем не нравится. Кто-то хочет отбить у меня мои дукаты.

ПЕДРО. Пойдемте взглянем на казнь монаха.

Дон Родриго и Педро уходят. Входят Графиня и Амаранта.

ГРАФИНЯ. Теперь, наверное, я тебя убедила, и ты совсем не хочешь за него замуж, не правда ли?

АМАРАНТА. Напротив, хочу еще больше! Со мною он станет совсем другим, вот увидите!

ГРАФИНЯ. Все девушки мечтают перевоспитать своего будущего мужа и все разочаровываются: после свадьбы мужчины становятся только хуже. *(Берет лютню, задумчиво перебирает струны.)*

АМАРАНТА. Спойте мне что-нибудь.

ГРАФИНЯ. О чем? Я не знаю новомодных песен, меня учили только старинным романсам.

АМАРАНТА. Пойте о чем хотите, но только чтобы о любви. О моей любви.

ГРАФИНЯ. *(Улыбаясь.)* Хорошо, Амаранта. Я спою о твоей любви.

Ни даль расстоянья, ни тягость разлуки
Не могут меня изменить.
С презреньем снесу я и горе и муки,
Любила, люблю я, век буду любить.

Пусть люди за чувство меня порицают,
Пусть будут и гнать, и винить,
Пускай их безумной меня называют,
Любила, люблю я, век буду любить.

Пусть гром осужденья, несчастья удары
Должны мою жизнь поразить.
Меня не страшат ни угрозы, ни кары –

Любила, люблю я, век буду любить!¹

Что ты плачешь?

АМАРАНТА. Не знаю... Наверное, от горя. А может, от счастья. Хотите, я открою вам тайну?

Через десять минут дон Фелис будет здесь.

ГРАФИНЯ. Это невозможно! Ему сюда не проникнуть.

АМАРАНТА. Вы думаете? Через девять минут я его увижу. Нет, уже через восемь. Поглядите, не он ли идет?

Входит Слуга, за ним стражники.

СЛУГА. Прошу прощения у ваших милостей, но сеньориту приказано снова отвести в карцер. Уже давно.

АМАРАНТА. *(В отчаянии.)* Опять?! Но я не хочу!! Подождите хотя бы полчаса! Пустите меня!

Стражники уводят упирающуюся Амаранту. Графиня и Слуга следуют за ними. Входят Барон, за ним Архивариус.

АРХИВАРИУС. Сеньор, я нашел в летописях причину вражды ваших семей.

БАРОН. Ну-ну, я слушаю.

АРХИВАРИУС. Четыреста лет назад все знатные юноши Испании сходили с ума по прекрасной Юлии де Кастро. Среди прочих претендентов выделялись барон и граф, предки ваших милостей. Мало-помалу они прикончили всех своих соперников и вышли в финал. Вся Испания, затаив дыхание, следила за решающим поединком. Победил... *(чуть помедлив, торжественно)* ...барон!

БАРОН. Bravo! *(С гордостью.)* Я в этом не сомневался. Держи. *(Кидает кошелек.)*

АРХИВАРИУС. Сердечно благодарен. После того поединка ваши семьи так и не помирились. Сказать по правде, еще не все в этой истории мне понятно – ведь супругу вашего славного предка звали вовсе не донья Юлия.

БАРОН. Это совершенно неважно. Главное, что я победил графа. Вернее, победил тот барон, но это одно и то же. Впрочем, на досуге разберись, что было дальше, и доложи мне.

Барон и Архивариус уходят. Статуя у крепостной стены отодвигается, и из-под земли появляется Дон Фелис, роскошно одетый и обвешанный оружием. Он нажимает на камень в стене, и статуя сдвигается на прежнее место.

ДОН ФЕЛИС. *(Один, осматривается.)* Как хорошо, что Амаранта открыла мне тайну подземного хода. О любимая! Теперь, наконец, я смогу прижать тебя к своей груди! *(Нажимает на камень, подземный ход открывается.)* Ловко устроено. И совершенно незаметно. Интересно, как он работает? Надо будет соорудить такую же штуку у себя в замке... На чем я остановился? Ах да... *(Пылко.)* О Амаранта! Неужели я смогу прижать тебя к своей груди? *(Оступившись, проваливается в подземный ход и через некоторое время снова вылезает оттуда помятый и испачканный. Закрывает ход. Часы бьют два удара.)* Два часа. Она должна быть уже здесь. *(Расхаживает по саду. Чуть недовольно.)* Девушки вечно опаздывают. *(Обрадованно.)* Ага, кажется, она идет. *(Прихорашивается. Испуганно.)* Черт возьми, это барон!

Нажимает на камень, но подземный ход не открывается. Дон Фелис пытается отодвинуть статую руками, но безуспешно. Входит Барон в сопровождении Слуги.

¹ Слова старинного романа Е.Ростопчиной (1849)

БАРОН. *(Радушно.)* Добро пожаловать, дорогой сеньор! Простите, что заставил вас ждать. Этот мошенник слуга только сейчас известил меня о вашем прибытии.

СЛУГА. Осмелюсь доложить, господин барон, что этот сеньор не...

БАРОН. Молчать, болван, тебя ни о чем не спрашивают.

СЛУГА. Слушаюсь.

БАРОН. *(Дону Фелису, который не снимает руку с эфеса шпаги.)* Почему у вас такой настороженный вид?

ДОН ФЕЛИС. Имейте в виду – я дорого продам свою свободу.

БАРОН. Я сам мужчина, сеньор, и понимаю, как высоко мы ценим независимость. Но мне кажется, сорок тысяч дукатов и красота моей дочери облегчат вам тяжесть брачных цепей.

ДОН ФЕЛИС. Я ничего не понимаю. Вы хотите отдать мне Амаранту?

БАРОН. Разумеется. Вы разве не за этим прибыли?

ДОН ФЕЛИС. Я давно об этом мечтаю, но...

БАРОН. Так берите же ее, черт побери! Сейчас я приведу ее сюда, и если вы сумеете ей понравиться, она ваша. А если не сумеете – тоже ваша. Какая жалость, что я повесил священника, а то мы сразу бы вас и обвенчали.

ДОН ФЕЛИС. Сразу?!

БАРОН. Да. По ряду причин я очень тороплюсь.

ДОН ФЕЛИС. Я тоже.

Слышится громкий крик толпы, шум и свист. Барон обращается к Слуге.

БАРОН. Узнай, в чем дело.

ДОН ФЕЛИС. Я не верю своим ушам. Амаранта – моя!

БАРОН. Ваша, дорогой дон Родриго, ваша.

СЛУГА. *(Возвращаясь.)* Веревка не выдержала веса святого отца и порвалась. Как прикажете поступить?

БАРОН. Приведи его ко мне.

СЛУГА. Слушаюсь. *(Уходит.)*

БАРОН. Нам повезло, что этот мошенник-священник остался жив и не надо тратить времени на поиски нового. Через час, дон Родриго, вы будете счастливым мужем и дальше расхлебывайте эту кашу сами.

ДОН ФЕЛИС. Почему вы все время зовете меня «дон Родриго»?

БАРОН. Ты прав – отбросим все церемонии. Зачем говорить «дон», когда есть хорошее слово «сын»? А ты зови меня просто «папа».

ДОН ФЕЛИС. Да, но...

БАРОН. Никаких «но».

ДОН ФЕЛИС. Хорошо, папа.

БАРОН. Сын мой, тебе, вероятно, брак кажется непрерывным потоком наслаждений. Как твой новый отец, хочу тебя предостеречь.

Ты еще в жизни круглый невежда,
В розовом свете брак видишь ты.
Не обольщайся ложной надеждой,
Быстро растают эти мечты.

ДОН ФЕЛИС.

Брак – это радость, брак – это счастье,
Вечные ласки, праздник вдвоем,

Тесная дружба, нежность, участие,
Помощь друг другу всегда и во всем!

БАРОН.

Брак – это крышка, холод могильный,
Вечная лямка, тягостный крест,
Клетка, где каждый в гневе бессильном
Злобно друг друга поедом ест!

ДОН ФЕЛИС. Я согласен, брак с любой женщиной – это пытка, но с Амарантой!..

БАРОН. Каждый жених считает, что его невеста – счастливое исключение. Не разделяй этого заблуждения. Я не слишком опытен в семейной жизни и больше люблю гнаться за лисами, чем волочиться за женщинами, но все же могу дать тебе несколько советов... Чего ты все вертишь головой?

ДОН ФЕЛИС. Я слушаю, папа.

БАРОН. Жены бывают служебные и декоративные. Служебные караулят дом, когда хозяин в отъезде, хранят ему верность, исполняют мелкие поручения и после надлежащей дрессировки могут принести известную пользу. Однако глаз они не радуют. Скорее даже пугают. Декоративные жены красивы, развлекают и придают в обществе известный лоск, но капризны, изнежены, требуют ухода, много и громко лают, а главное – дорого обходятся.

Входит Монах в сопровождении Слуги.

Молился ли ты на ночь, толстопузый?

МОНАХ. Господин барон, я покался.

БАРОН. В таком случае я готов проявить великодушие: твоя казнь откладывается. На два часа. А пока ты обвенчаешь мою дочь с этим сеньором.

МОНАХ. *(Увидев дону Фелису, поражен.)* С этим сеньором? *(Падает на колени.)* Ради такого торжества простите меня.

БАРОН. Пойми, пузанчик, это невозможно. Если ты не будешь повешен, я нарушу свое слово.

МОНАХ. Я отпущу вам этот грех, сеньор.

БАРОН. Но я себе его не прощу. И потому клянусь, что сразу же после этого венчания тебя ждет встреча с господом. Иди готовься. Свадьба должна быть пышной, но скорой.

Слуга уводит Монаха. Барон обращается к дону Фелису.

Сейчас я пришлю сюда Амаранту и оставлю вас одних. Постарайся с ней поладить. *(Уходит.)*

ДОН ФЕЛИС. *(Один.)* Должно быть, я повредился в уме. Амаранта – моя! Барон – мой папа! А я... Все же, почему я – дон Родриго?

Входит Амаранта.

АМАРАНТА. Сеньор, если у вас есть хоть капля чести, немедленно убирайтесь отсюда. Я ненавижу вас и никогда не стану вашей женой.

Дон Фелис поворачивается к ней лицом.

Ах! Фелис, это ты?!

ДОН ФЕЛИС. Амаранта!

Бросаются друг другу в объятия.

АМАРАНТА. Ты проник сюда через подземный ход?

ДОН ФЕЛИС. Да. Изумительная штука. Как он работает?

АМАРАНТА. Автоматически. Когда ты нажимаешь кнопку, скрытую в стене, специальная игла втыкается в начальника смены, сидящего в особой камере под землей. Начальник смены тотчас же наносит удар палкой по главному надсмотрщику, а тот, в свою очередь, бьет хлыстом мужиков, которые крутят ворот, открывающий ход.

ДОН ФЕЛИС. А почему он один раз не открылся?

АМАРАНТА. С двух до трех ход не работает. Перерыв на обед. Я же тебе писала. Кстати, родной, прочти это слово. *(Пишет на песке.)*

ДОН ФЕЛИС. Любимая, как я могу это сделать, если у меня нет с собой секретаря?

АМАРАНТА. Так ты в самом деле неграмотный? А я мечтала, как мы будем читать друг другу стихи.

ДОН ФЕЛИС. Но ведь я дворянин, а не какой-нибудь монах. Зачем мне владеть пером, если я владею хлыстом и шпагой? Тот, кто властвует, не обязан что-либо знать. Для этого есть секретари, ученые и прочие смерды.

Я граф, а граф всегда бывает прав.
Графиня мать моя, граф - папа, граф и я,
Не нужно мне, здоровье подорвав,
Зубрить грамматику и географию.

В анкете графа главная графа –
Его происхождение социальное.
Коль деньги есть, тебе всегда лафа,
Образованье? Хватит и начального.

АМАРАНТА.

Ты граф, а граф всегда бывает прав.
Графиня мать твоя, графиней буду я,
Не нужно нам, здоровье подорвав,
Зубрить грамматику и географию.

ДОН ФЕЛИС. *(Вспомнив.)* Да, Амаранта, почему ты недавно сказала, что ненавидишь меня?

АМАРАНТА. Не обращай внимания, милый. Я думала, что ты – дон Родриго.

ДОН ФЕЛИС. Какой еще дон Родриго? Почему я только о нем и слышу?

АМАРАНТА. Это мой жених. Отец тебя с ним перепутал.

ДОН ФЕЛИС. Жених?! О дьявол! *(Выхватывает шпагу.)* Я прикончу этого жениха! Моя шпага будет целовать его во все части тела, пока не зацелует насмерть! *(Спрятав шпагу и изменив тон.)* А пока надо бежать.

АМАРАНТА. Зачем? Ведь сейчас нас обвенчают.

ДОН ФЕЛИС. А если обман раскроется? Быстрые лошади ждут нас за стеной. Решайся.

АМАРАНТА. *(Подумав.)* Хорошо. Я согласна.

ДОН ФЕЛИС. *(Протягивая руку.)* Скорее!

АМАРАНТА. *(После долгого колебания.)* Нет, я не могу.

ДОН ФЕЛИС. Но почему? Боишься отца? Или небесной кары? Или сплетен?

АМАРАНТА. *(Пылко.)* Что мне отец? Что мне бог? Что мне весь мир? Но я не могу бежать в таком безобразном платье.

ДОН ФЕЛИС. Любимая, у тебя чудное, необыкновенное платье.

АМАРАНТА. Спасибо, Фелис, но ты в этом ничего не понимаешь.

ДОН ФЕЛИС. *(В отчаянии.)* Амаранта, когда мы прискачем в мой замок, я подарю тебе тысячу новых нарядов!

АМАРАНТА. Не волнуйся, я скоро буду готова. Ты пока спрячься.

Дон Фелис в унынии скрывается. Амаранта зовет служанку.

Элиса!

ЭЛИСА. Да, сеньорита!

АМАРАНТА. Приготовь мне скорее дорожное платье.

ЭЛИСА. Зеленое или серое?

АМАРАНТА. *(Подумав.)* Оба. И еще подвенечное.

ЭЛИСА. Ах! Значит, он вас похитит! Как я вам завидую!

Амаранта уходит. Входит Педро.

ПЕДРО. Эй, красотка, постой. Подойди поближе. Кем ты тут трудишься?

ЭЛИСА. Я служанка доньи Амаранты.

ПЕДРО. Тебя-то мне и нужно.

ЭЛИСА. А ты кем будешь?

ПЕДРО. А я буду твоим возлюбленным. Ты по ночам не мерзнешь?

ЭЛИСА. А что, ты торгуешь дровами?

ПЕДРО. Угадала. У меня есть такое полено, что если его бросить в твою печь, ты будешь чувствовать жар всю ночь.

ЭЛИСА. Чем слушать всякие глупости, я лучше пойду.

ПЕДРО. Постой! Что ты делаешь сегодня вечером?

ЭЛИСА. А что ты можешь предложить?

ПЕДРО. Могу дать тебе несколько уроков.

ЭЛИСА. Чего?

ПЕДРО. Игры на мандолине.

ЭЛИСА. *(Насмешливо.)* Да? Безумно интересно.

ПЕДРО. Во всяком случае, скучать не будешь. Это я тебе обещаю твердо. *(Поет.)*

Начнем учиться вечером.

ЭЛИСА. Потом, боюсь, учить захочешь до утра.

ПЕДРО. Сыграемся при встрече мы.

ЭЛИСА. Я знаю, чем закончится игра.

ПЕДРО. Она тебе понравится.

ЭЛИСА. Я думаю, без нот тебе не справиться.

ПЕДРО. К чему такие сложности?

ЭЛИСА. Не очень верю я в твои возможности.

ПЕДРО. Меня ты в деле испытай.

ЭЛИСА. О деле, друг мой, даже не мечтай.

ЭЛИСА. Пусти, спешу, ей-богу, я.

ПЕДРО. Не надо притворяться недотрогой.

ЭЛИСА. Не притворяюсь никогда.

ПЕДРО. Тогда шепни поласковее «да»!

ЭЛИСА. Ступай своей дорогой!

ПЕДРО. С мужчинами нельзя быть слишком строгою!

ЭЛИСА. Еще опасней доброй стать.

ПЕДРО. Ведь у тебя прошу совсем немного я,
Чуть-чуть нам надо уступать.

ЭЛИСА. Хоть мягко стелешь, жестко будет спать.

Ой, мне пора!

ПЕДРО. Подожди еще минутку.

ЭЛИСА. Быстро говори, что тебе нужно, и проваливай. Мне некогда.

ПЕДРО. Мой хозяин, дон Родриго, интересуется внешностью своей невесты. Что ты о ней скажешь?

ЭЛИСА. *(Лукаво.)* Передай своему дону Родриго, что другой такой уродины не сыщешь.
Фигура плоская, как доска. Сушеная камбала рядом с ней кажется жирной гусыней.

ПЕДРО. Неужели никаких выпуклостей?

ЭЛИСА. Кое-что есть – небольшой горб на спине. *(Смеется, убегает.)*

Входит дон Родриго.

ПЕДРО. Хозяин, беда! Спасайтесь, пока не поздно!

ДОН РОДРИГО. В чем дело?

ПЕДРО. Ваша невеста страшна, как семь смертных грехов. У нее лицо пожилой мартышки и фигура высохшей селедки.

ДОН РОДРИГО. Только и всего? Такие вещи не пугают настоящего мужчину. Ты лучше послушай, какую я только что сочинил песню!

ПЕДРО. О чем?

ДОН РОДРИГО. О том, каким наше время будет представляться потомкам лет через пятьсот.
Эту песню будет петь вся Испания!

О прошлых днях порой мечтают чудаки,
Когда убежища и судьбы были хрупки,
Когда в ночи звенели песни и клинки,
И бесшабашно бились рыцари и кубки.

То было время и пророка, и бойца,
И дерзко поднимались мятежи и шпили,
Тогда стальными были латы и сердца,
И до конца тогда сражались и любили.

Кресты и грешники пылали на кострах,
Ученых и воров гуртом вели на плахи,
Пергаменты и замки обращались в прах,
Чума и короли народ держали в страхе.

То было время и пророка, и бойца,
И дерзко поднимались мятежи и шпили,
Тогда стальными были латы и сердца,
И до конца тогда сражались и любили.

Педро уходит. Входит Амаранта в великолепном новом наряде. Дон Родриго останавливается перед ней, пораженный ее красотой. Звучит волнующая музыка.

АМАРАНТА. *(Настороженно.)* Кто вы?

ДОН РОДРИГО. Я одинокий измученный странник, я бедный пилигрим, которому посчастливилось увидеть чудо. Это чудо – ваша красота, и я преклоняю перед ней колени.

АМАРАНТА. Встаньте, прошу вас.

ДОН РОДРИГО. *(Взволнованно.)* Наш век прозаичен, мы, мужчины, обмельчали, мы способны теперь лишь волочиться, а не любить. Но, оказывается, есть на свете красота, ради которой я способен сражаться, умереть, разориться, совершать безрассудства и преступления. Я впервые чувствую, что я живу и что жизнь моя имеет смысл – и все это благодаря вам. *(Целует ей руку.)*

АМАРАНТА. Но кто же вы все-таки?

ДОН РОДРИГО. Я дон Родриго, бывший жених Амаранты.

АМАРАНТА. Бывший?

ДОН РОДРИГО. Да. До этого часа я считал себя женихом этой лысой и горбатой образины, но теперь, когда я увидел вас...

АМАРАНТА. Не пойму, о какой образине вы говорите.

ДОН РОДРИГО. О худосочной кляче по имени Амаранта.

АМАРАНТА. Вы когда-нибудь ее видели?

ДОН РОДРИГО. Нет, и не хочу видеть. Я торжественно отрекаюсь от этой старой жабы со всеми ее дукатами и отдаю себя вам! Вы предстае передо мной - юная, воздушная, поражающая воображение, вы наполняете мое сердце удивлением и благодарностью природе, создавшей такую неземную красоту...

ЭЛИСА. *(Вбегая.)* Сеньора Амаранта, ваш отец спрашивает.... *(Увидев коленопреклоненного дона Родриго.)* Ах! *(Исчезает.)*

ДОН РОДРИГО. *(Потрясенный.)* Значит, Амаранта – это вы?!

АМАРАНТА. Да, перед вами и есть та старая жаба, от которой вы отреклись.

ДОН РОДРИГО. Я сгораю от стыда! Вы простите меня?

АМАРАНТА. Мне не в чем вас винить, но... Оставьте меня. Навсегда.

ДОН РОДРИГО. Амаранта, я мнил себя первым поэтом Испании, но в каждой пряди ваших волос больше поэзии, чем во всех моих произведениях!

АМАРАНТА. Прощайте.

ДОН РОДРИГО. Нет, я не прощаюсь.

Амаранта уходит. Входит Педро с большим куском колбасы.

Я влюблен, Педро, ты понимаешь, впервые в жизни влюблен!

ПЕДРО. Понимаю. Прикажете подать перо и пергамент? В таких случаях вы всегда садитесь сочинять.

ДОН РОДРИГО. Ты прав. Мне хочется написать сонет. Дай перо. И колбасу тоже. И принеси же, наконец, чего-нибудь выпить.

Педро уходит. Дон Родриго принимается сочинять сонет.

«Природа все земные совершенства

Взялась в тебе одной объединить.

Ты манишь обещанием блаженства...»

-Нет, эту строчку надо заменить.

«Твои глаза влекут сильней магнита,
И кружит голову твоя краса,
Лишился я и сна и аппетита...»
-Чертовски вкусная, однако, колбаса.

«В твоих руках судьба и жизнь поэта,
Лишь слово – и в любой отправлюсь путь,
Один твой взгляд – и я уйду от света...»
- Неплохо бы и выпить что-нибудь.

Проклятье! Можно ли писать сонет,
Когда желудок пуст и денег нет!

Разрывает пергамент на куски и принимается писать снова. Появляется дон Фелис.

ДОН ФЕЛИС. *(Свирепо.)* Послушай, любезный...

ДОН РОДРИГО. Стоп. Я вовсе не собираюсь быть с тобой любезным. И сейчас я грубо тебя прошу – проваливай и не мешай мне работать.

ДОН ФЕЛИС. *(Озадаченно смотрит на дона Родриго, развалившегося на травке.)* Но ты же ничего не делаешь!

ДОН РОДРИГО. Ты еще здесь? Тогда хоть помолчи немного. Ведь перед тобой дон Родриго, наша национальная гордость.

ДОН ФЕЛИС. *(Растерянно оглядываясь.)* Где гордость?

ДОН РОДРИГО. *(Стучит себя по груди.)* Вот она, здесь. Разве ты не знаешь, что я – первый поэт Испании?

ДОН ФЕЛИС. Ты?

ДОН РОДРИГО. А кто - ты, что ли?

ДОН ФЕЛИС. Если ты в самом деле стихоплет, то придумай рифму к слову «Амаранта». Я однажды думал целый день, но так и не придумал.

ДОН РОДРИГО. *(Мечтательно.)* Амаранта...

ДОН ФЕЛИС. Что, не выходит? Это вам не «любовь-вновь-кровь-морковь-не прекословь». Ну, а к словам «дон Фелис»?

ДОН РОДРИГО. Дон Фелис... Дон Фелис... *(Насторожившись.)* Дон Фелис? Так вы и есть тот молокосос, который надоедает моей невесте своими глупыми приставаниями?

ДОН ФЕЛИС. *(В бешенстве.)* «Молокосос»? «Моей невесте»? Посмотрим, что вы сейчас запоете. *(Обнажает клинок.)* К делу! Ну, что медлите? Бойтесь?

ДОН РОДРИГО. *(Откладывает пергамент.)* Жаль отвлекаться, но ведь вы все равно не отстанете. *(Подносит руку к пустым ножнам.)* У вас не найдется взаймы шпаги? Моя хранится как реликвия в Барселонском музее изящных искусств.

ДОН ФЕЛИС. *(Кидая оружие.)* Держите.

ДОН РОДРИГО. Благодарю. После поединка я верну ее вашим наследникам. А теперь подумаем над вашими рифмами.

Вспыхивает музыка поединка. Противники делают несколько выпадов.

Дон Фелис, дон Фелис, дон Фелис,
Вы с дьяволом спились и спелись,
Слюбились с ним, снюхались, сжились,

Слежались, сыгрались, сдружились.

ДОН ФЕЛИС. Я дорого заплачу вам за каждую рифму!

ДОН РОДРИГО. Я буду очень рад. Все мои заказчики только обещают, но не платят.

Дон Фелис, дон Фелис, дон Фелис,
Герой на словах, но на деле с
Врагом языком только бьется,
А в драке – бежит иль сдается.

Выбивает оружие из рук дон Фелиса.

Подберите шпагу. Мне будет жаль убить вас, не дав дослушать такой прелестный экспромт.

Дон Фелис, дон Фелис, дон Фелис,
Клянусь, что я буду в постели с
Прекрасной твоей Амарантой,
И станешь рогат, как баран, ты!

ДОН ФЕЛИС. Никогда!

ДОН РОДРИГО. Заказ на обе рифмы выполнен! Дон Фелис, дон Фелис, дон Фелис...

Входит Барон. Увидев стычку, выхватывает шпагу и бросается на дон Родриго. Тот защищается против двух нападающих.

БАРОН. Мужайся, сын мой! Наконец попался этот вор!
ДОН РОДРИГО. Зачем вмешались вы, сеньор, в наш мирный разговор?
БАРОН. Знай, я – барон! В своем гробу ты встретишь эту ночь!
ДОН РОДРИГО. Зачем же обещали вы мне в жены вашу дочь?
БАРОН. Я? Дочь? Тебе? Ты, гнусный лжец, мой плохо знаешь нрав.
Нет, не вползет в мой дом подлец, мошенник, мерзкий граф!
ДОН ФЕЛИС. Остановитесь все! Барон, я вами оскорблен!
БАРОН. Кто оскорблен? Ты оскорблен? *(В сторону.)* О чем болтает он?
ДОН ФЕЛИС. Ведь я и есть тот самый граф – «мошенник и подлец»,
Так защищайтесь, а не то наступит вам конец!

Вместе с доном Родриго набрасывается на Барона. Ожесточенный поединок. Дон Фелис проваливается в подземный ход.

ДОН РОДРИГО. Куда он делся?

БАРОН. *(Хладнокровно.)* Провалился в подземный ход. Кажется, я принял вас за другого. С кем имею честь?

ДОН РОДРИГО. Я дон Родриго, сын вашего друга. Вот письмо.

БАРОН. Теперь вы и мой сын. Сейчас прикончим этого щенка и потолкуем о деле.

Дон Фелис вылезает из подземелья. Опять взматается вихрь музыкальной круговерти. Теперь уже Барон и дон Родриго фехтуют против дон Фелиса. Когда на крики позднее прибегут Педро, Монах с дубиной, Слуга со шпагой, стражники, начнется полная неразбериха. Участники боя окончательно забудут, кто с кем сражается, и будут

беспорядочно гоняться друг за другом.

ДОН РОДРИГО. Вот он!
 БАРОН. Рази! Ату! Ату!
 ДОН РОДРИГО. Коли!
 БАРОН. Гони! Дави!
 ДОН ФЕЛИС. Еще посмотрим, кто кого!
 ДОН РОДРИГО. Лови его, лови!
 СЛУГА. Что здесь такое, господа?
 ПЕДРО. Давай, давай, давай!
 МОНАХ. Кто с кем сражается?
 ДОН ФЕЛИС. Сюда!
 ДОН РОДРИГО. Тесни их в этот край!
 СЛУГА. Пощады от меня не жди!
 ПЕДРО. Молчи, гнилая вошь!
 ДОН РОДРИГО. Эй, Педро, справа заходи!
 БАРОН. *(Монаху.)* Осел, кого ты бьешь?
 АМАРАНТА. *(Врываясь в свалку.)* Любимый, я умру с тобой!
 БАРОН. Эй, дочка, уходи!
 Не место бабам там, где бой.
 АМАРАНТА. Его ты пощади!
 ГРАФИНЯ. *(Вбегая, повисает на руке у Барона, который был уже готов проткнуть дону Фелиса.)*
 Не верю я своим глазам: его хотят убить!

АМАРАНТА. Родриго, вы моим слезам должны ведь уступить.

Музыка обрывается. Барон и дон Родриго опускают шпаги.

БАРОН. Я подарю ему жизнь, если он откажется от Амаранты.
 ДОН ФЕЛИС. Никогда! Лучше смерть!
 АМАРАНТА. Я умру вместе с ним!
 БАРОН. *(Тихо, Графине.)* Что делать?
 ГРАФИНЯ. Я совершенно растеряна.
 БАРОН. *(Громко.)* Дон Фелис, дон Родриго и все остальные. Оставьте нас с графиней одних.
 Через десять минут мы сообщим наше решение. *(Монаху.)* А ты пока останься.

Все, кроме Барона, Графини и Монаха, уходят.

ГРАФИНЯ. Мне кажется, придется уступить.
 БАРОН. Пока я жив, этому браку не бывать. Подумайте сами – я войду в историю первым, кто нарушил клятву предков.
 ГРАФИНЯ. Успокойтесь, может быть, вы и не войдете в историю.
 БАРОН. Войду. У нас в роду все события – исторические. Так уж принято.
 ГРАФИНЯ. Вы уже нарушили клятву хотя бы тем, что дружески беседуете со мной.
 БАРОН. Ничего подобного. Час назад я сообразил, что вы хоть и вдова графа, но сами-то происходите из другого рода. Так что в ваших жилах не течет враждебная мне кровь. *(Многозначительно.)* Поэтому я хотел бы иметь с вами союз более тесный.
 ГРАФИНЯ. Давайте сначала поговорим о детях и их любви.
 БАРОН. К черту детей. У них не любовь, а блажь.

ГРАФИНЯ. Это почти одно и то же.

БАРОН.. К тому же, я обещал ее дону Родриго. Дурацкое положение.

МОНАХ. Господин барон! Я знаю средство от любви.

БАРОН. Ты? Пока твои средства помогали, как пилюли от виселицы.

МОНАХ. На этот раз оно безотказное. Но чтобы на него решиться, нужна некоторая широта взглядов.

БАРОН. Я обладаю этим в избытке.

МОНАХ. Гм...

БАРОН. Говори!

МОНАХ. Дайте сначала слово, что не убьете меня на месте.

БАРОН. Я же обещал тебя повесить только после их свадьбы.

МОНАХ. Тогда слушайте. *(Долго шепчет что-то Барону.)*

БАРОН. *(В ярости.)* Старый развратный боров! Как ты смел предложить это мне - ее отцу! Да за такую наглость я тебя не повешу, а четвертую! *(Сменив тон, деловито.)* Впрочем, твое предложение разумно. Я знаю это из собственного опыта. Растолкуй его графине, только поделикатнее.

Монах шепчется с Графиней.

ГРАФИНЯ. Я безмерно удивлена, но если вы не против...

БАРОН. Другого выхода нет. *(Хлопает в ладоши. Входит Слуга.)* Позови дону Родриго.

Слуга и Капитан стражи приводят дону Родриго.

Сеньор, моя дочь еще молода для замужества. Ступайте и возвращайтесь ровно через год. Прощайте.

ДОН РОДРИГО. Но...

БАРОН. *(Капитану.)* Проводите сеньора.

Стражники уводят дону Родриго. Барон обращается к Слуге.

Теперь зови сюда всех.

Входят слуги, служанки и прочие обитатели замка. Амаранта и дон Фелис подходят к Барону.

Слушайте меня внимательно. Мы с графиней не возражаем против вашего брака...

Звучит музыка.

АМАРАНТА и ДОН ФЕЛИС. *(Радостно.)* Ах!

БАРОН. ...При условии... Вы будете меня слушать?

ДОН ФЕЛИС. Мы заранее на все согласны.

БАРОН. ...При условии, что он будет заключен не раньше, чем через год.

АМАРАНТА и ДОН ФЕЛИС. *(В отчаянии.)* О!

БАРОН. Вы должны дать клятву, что в течение этого года вы будете все время вместе, не разлучаясь ни на минуту.

АМАРАНТА. Папа, ты, наверное, хотел сказать «не встречаясь».

БАРОН. Нет, я сказал, «не разлучаясь». Я всегда говорю, что хочу сказать.

ДОН ФЕЛИС. Можно кое-что уточнить? *(Шепчет что-то Барону.)*

БАРОН. Я же сказал – и днем, и ночью. Ни на минуту. Вы что, испанского языка не понимаете?

Сегодня же графиня вернется в свой замок, а я отправлюсь в Мадрид. Делайте, что хотите –

но не расставаясь друг с другом. Капитан стражи будет за этим следить.

МОНАХ. Если вы согласны, клянитесь.

АМАРАНТА и ДОН ФЕЛИС. *(Повторяют за Монахом слова клятвы, хор торжественно и радостно вторит им.)*

Я клянусь, что и ночью и днем

Неразлучно с тобою я буду.

Каждый час, каждый миг мы вдвоем

Будем вместе всегда и повсюду.

Часы бьют пять ударов.

БАРОН. Итак, через год в пять часов. Прощайте.

Конец первой части

Часть вторая

Год спустя. Тот же сад. Амаранта и Элиса вышивают, напевая грустную песню.

АМАРАНТА и ЭЛИСА.

Все проходит, все проходит, все проходит,
Мак расцветший быстро осыпается,
Меркнут звезды утром на небесном своде,
И уходит юность от красавицы.

Отчего же все проходит, все проходит,
Почему так грустно получается?
Знать, наверно, так устроено в природе,
Что любовь всегда-всегда кончается.

Все проходит, все проходит, все проходит,
Счастье то мелькнет, то потеряется.
Наши чувства кружат в вечном хороводе,
То любовь – царица, то изгнанница.

Отчего же все проходит, все проходит,
Почему так грустно получается?
Знать, наверно, так устроено в природе,
Что любовь всегда-всегда кончается.

ЭЛИСА. (*Участливо.*) Почему вы опять печальны?

АМАРАНТА. (*Горько.*) Я – печальна? Напротив, впервые за целый год я снова улыбаюсь. Даже не верится, что двенадцать ужасных месяцев сегодня кончатся.

ЭЛИСА. Бедная сеньорита! Вы за это время даже похудели.

АМАРАНТА. Ты думаешь? А ну-ка, дай зеркало.

ЭЛИСА. (*Поспешно.*) Но стали еще красивее, честное слово. Кто бы мог это ожидать? Ведь дон Фелис так вас любил!

АМАРАНТА. Вот именно – любил. Теперь он своих псов любит больше, чем меня, а лошадей – больше, чем псов.

ЭЛИСА. Но нельзя же ему вечно сидеть возле вашей юбки. Он ведь мужчина.

АМАРАНТА. Не мужчина, а мужлан, грубый, неотесанный и скучный. Мне с ним просто не о чем говорить – он ведь в жизни не прочитал ни одной книги. Он способен только целыми днями махать шпагой, наливать вином и хвастаться несуществующими подвигами. (*Вздыхает.*) И хоть бы раз этот «герой» догадался помочь мне по хозяйству. Он думает, что управляться одной с целым замком легко.

ЭЛИСА. Зато, должно быть, вам хорошо с молодым графом в другое время. (*Хихикает.*)

АМАРАНТА. Как бы не так. Раньше, по неопытности, я мечтала, как буду засыпать в его объятьях, а теперь при одной мысли о его лошадином храпе у меня начинается бессонница. Я упрашивала капитана разрешить мне хотя бы спать отдельно, но он неумолим.

ЭЛИСА. Но ведь сейчас вы как-то сумели оказаться без дона Фелиса.

АМАРАНТА. Я подарила капитану свой последний перстень, чтобы хоть десять минут побыть

одной. *(С жаром.)* Это такое счастье – быть одной! За него я не пожалела бы всех сокровищ мира!

ЭЛИСА. А помните, как красиво он за вами ухаживал?

АМАРАНТА. Ухаживают они все красиво... Впрочем, даже тогда дон Фелис не проявил ни ума, ни красноречия. Все хлопал глазами, как теленок, и повторял без конца: «Амаранта! О Амаранта!»... То ли дело дон Родриго...

Музыка.

ЭЛИСА. Как часто вы его вспоминаете.

АМАРАНТА. *(Мечтательно.)* Вот здесь, на этом месте, он опустился тогда на одно колено и сказал: «Вы предстае передо мной, юная, воздушная, поражающая воображение...» *(Всхлипывает.)* Ах, Элиса, какая я была дура!

ЭЛИСА. Успокойтесь, сеньорита.

АМАРАНТА. Во всем виноват папа. Надо было не валять дурака и выдавать меня замуж за того, за кого нужно.

ЭЛИСА. Но вы бы умерли с горя.

АМАРАНТА. Не умерла бы, не беспокойся.

ЭЛИСА. Не огорчайтесь, ведь ваш поэт еще может вернуться.

АМАРАНТА. Родриго видел меня всего один миг. Неужели ты думаешь, что он еще помнит меня? Нет, он не вернется.

Входит Капитан в роскошных доспехах. Все десять пальцев на его руках унизаны перстнями.

КАПИТАН. Сеньорита, десять минут уже прошли. Дон Фелис идет сюда.

АМАРАНТА. Уже? Элиса, дай мне книгу.

Входит дон Фелис с большим мечом. За ним следует Монах.

ДОН ФЕЛИС. Опять читаешь? Так можно и ослепнуть.

АМАРАНТА. Лучше ослепнуть, чем постоянно видеть вашу ухмылку, сеньор.

ДОН ФЕЛИС. Вы, как всегда, не в духе, сеньорита. Взгляните, что я приобрел, и повеселеете.

(С гордостью показывает меч.)

АМАРАНТА. *(Бросив равнодушный взгляд.)* Очередная шпага?

ДОН ФЕЛИС. *(С досадой.)* Не шпага, а двуручный меч!

АМАРАНТА. А почему у него только одна ручка?

ДОН ФЕЛИС. *(С досадой.)* Во-первых, не ручка, а рукоять; во-вторых, он не о двух ручках, а для двух рук. Прочитала столько книг, а не знаешь простых вещей. *(Делает несколько выпадов.)* Как давно я не дрался!

АМАРАНТА. Завтра коррида, можешь принять в ней участие.

ДОН ФЕЛИС. *(Презрительно.)* В качестве тореадора?

АМАРАНТА. Нет, в качестве быка.

ДОН ФЕЛИС. *(В отчаянии, Капитану.)* Сеньор капитан, я дарю вам этот меч.

КАПИТАН. *(Деловито рассматривает оружие.)* За сколько?

ДОН ФЕЛИС. Хотя бы за полчаса!

Капитан отрицательно качает головой.

За четверть часа!

КАПИТАН. Сеньорита, вы можете пятнадцать минут погулять в другом месте.

Амаранта и Элиса радостно уходят. Капитан тоже уходит, прихватив меч.

ДОН ФЕЛИС. Есть ли человек несчастнее меня?

Все проходит, все проходит, все проходит,
И слова, и ласки приедаются,
Стынет сердце, стынет при любой погоде,
Где начало, там недолго до конца.

Все проходит, все проходит, все проходит,
Все неожиданно в жизни изменяется.
Кто женился, тот мечтает о свободе,
Кто свободен, тот в ярмо впрягается...

Отчего же все проходит, все проходит,
Почему так грустно получается?
Знать, наверно, так устроено в природе,
Что любовь всегда-всегда кончается.

Давайте выпьем с горя, святой отец.

МОНАХ. *(Наполняя кружку.)* Жаловаться - грех, сын мой. Амаранта – само совершенство.

ДОН ФЕЛИС. Не спорю. Но это скучное и унылое совершенство. Оно вечно раздражено, всегда недоволено, больше всего любит воспитывать и постоянно считает себя правым. По ней, рыцарь должен целый день торчать в четырех стенах и рассуждать о поэзии.

АМАРАНТА. Ей это интересно, потому что она умна.

ДОН ФЕЛИС. Она – умна? Амаранта не может даже отличить дуэльную шпагу от охотничьей, хотя я тысячу раз объяснял ей разницу. И вообще, мне с ней не о чем говорить. Она совершенно не живет моими интересами. *(Выпивает кружку.)* А стоит мне выпить рюмку с тоски, так я уж сразу и алкоголик.

МОНАХ. Но ведь вы не будете отрицать, что сеньорита умна и образована.

ДОН ФЕЛИС. Ум не нужен молодой женщине. Где место юным красоткам? Сами знаете. А она роется в архивах и в библиотеках.

МОНАХ. Ученость, конечно, портит донью Амаранту, как и всякую женщину. Но зато она красива.

ДОН ФЕЛИС. Это как на чей вкус. Ноги у нее тонкие, как рапиры, бедра тверды, как алебарды, а если бы вы видели...

МОНАХ. *(Поспешно.)* Остановитесь! Духовному лицу не подобает даже думать о вещах, которые вы хотите описывать.

ДОН ФЕЛИС. Весь замок лежит на мне, а она вместо того, чтобы заниматься хозяйством, вертится у зеркала. Я и понятия не имел, сколько у этих неземных созданий может быть всяких кремов и красок.

МОНАХ. Вы сгущаете краски.

ДОН ФЕЛИС. Спать на одной подушке – еще не значит видеть одни и те же сны. Амаранта не умеет гнать оленя и играть в кости, а я не хочу судачить с ее подругами и брэнчать на лютне.

В результате мы оба не делаем того, что хотим, и нам обоим плохо. *(Подливает вина.)*

Просто не верится, что уже сегодня вечером я буду свободен. Вы понимаете – свободен!

МОНАХ. Господин граф, никакой свободы у вас не будет. Влюбитесь в другую женщину,

женитесь, и снова начнется то же самое.

ДОН ФЕЛИС. Меня самого мучает эта мысль. Как сделать так, чтобы никогда не жениться?

МОНАХ. Постригайтесь в монахи. Нам нельзя вступать в брак.

ДОН ФЕЛИС. В монахи – мне?

МОНАХ. А почему бы нет? Тем более, что вы будете не рядовым замухрышкой. С вашей знатностью и богатством вас сразу сделают архиепископом.

ДОН ФЕЛИС. Но ведь я ни черта не смыслю в церковных делах.

МОНАХ. Зато вы граф, а не какой-нибудь сапожник.

ДОН ФЕЛИС. Это верно.

Я граф, а граф всегда бывает прав.
Графиня мать моя, граф - папа, граф и я,
Не нужно мне, здоровье подорвав,
Зубрить грамматику и географию.

Для женщин слово «граф» имеет вес,
По графику стучат ко мне блондинки,
Имею я успех у баронесс,
И тают предо мной простолюдинки.

Но к черту всех – хочу я быть один.
Пусть сгинут и брюнетки, и блондинки!
Теперь ценю я рюмку и графин,
Охоту, смех, пиры и поединки!

Но в монахи я все же не пойду. Что это за жизнь – поститься и молиться?

МОНАХ. Посмотрите на меня, ваша милость. Разве заметно, чтобы я усердно постился? И разве мы с вами пьем сейчас кипяченую воду?

ДОН ФЕЛИС. Расскажите хоть в двух словах, что делают монахи.

МОНАХ. С удовольствием.

Кто за плугом идет, кто корзины плетет,
Кто на страже стоит с катапультой,
Кто в темнице сидит, кто гуляет, кто пьет,
Ну, а мы – мы служители культа.

От утра до утра аллилуйю поешь,
Хочешь, нет – ты обязан молиться.
Но... устав монастырский ведь тем и хорош,
Что легко от него отступиться.

Не безгрешны мы, каюсь, да что за беда?
Се ля ви – все грешат понемногу.
Так не бойтесь и вы пошалить иногда –
Мы прощенья попросим у бога.

Не всегда в воздержанье суровом живешь,

Ведь – увы – плод запретный так сладок...
Там свининки куснешь, там из бочки хлебнешь,
Там девчонку щипнешь – и порядок!

Мы готовы красотке грехи отпустить
(Их немало у ней накопилось!),
Молодая вдова сможет горе забыть,
Если с нами она... помолилась.

Увлеченные песней, Монах и дон Фелис с кружками в руках пускаются в пляс. Входят Амаранта и Элиса. Музыка обрывается.

АМАРАНТА. Опять пьянствуешь?

ДОН ФЕЛИС. *(Уныло.)* Ты снова здесь?

АМАРАНТА. Приказ капитана. Четверть часа прошли.

Амаранта, Элиса, дон Фелис и Монах уходят. Слышится сигнал трубы. Появляется взволнованный Капитан, сбегаются стражники и слуги. Под звуки фанфар входят Графиня и Барон.

СЛУГА. Добро пожаловать, господин барон! Замок с нетерпением ждет вас.

БАРОН. Спасибо, друзья мои. Вы можете идти.

Обитатели замка расходятся. Остаются Графиня, Барон и Слуга.

Здесь все в порядке? Как мои собаки?

СЛУГА. Скучают, ваша милость.

ГРАФИНЯ. Как дети?

СЛУГА. Здоровы.

БАРОН. Хорошо ли за ними следил капитан?

СЛУГА. День и ночь.

БАРОН. А лейтенант за капитаном?

СЛУГА. Не смыкая глаз.

БАРОН. А ты за лейтенантом?

СЛУГА. Без устали.

БАРОН. Хорошо, я все это проверю.

Входит Архивариус.

АРХИВАРИУС. С приездом, господин барон! Важная новость!

БАРОН. В чем дело?

АРХИВАРИУС. Я установил, что дон Фелис – потомок вовсе не того графа!

Барон и Графиня обмениваются взглядами.

БАРОН. Это почему же?

АРХИВАРИУС. Рыцарь, с которым поссорился ваш предок, был возведен впоследствии в герцогское достоинство, а титул графа де Маравилья получил совсем другой дворянин, от которого и ведет свое происхождение благородный дон Фелис.

ГРАФИНЯ. Выходит, наши семьи не в ссоре?

АРХИВАРИУС. Ну конечно!

БАРОН. *(Озадаченно.)* А с кем же тогда я в ссоре?

АРХИВАРИУС. Да ни с кем!

БАРОН. Не мог же род того графа бесследно исчезнуть. Какой, ты говоришь, он получил титул?

АРХИВАРИУС. *(Неохотно.)* Герцога де Медина.

БАРОН. Де Медина? Но ведь из этого рода происходит дон Родриго! А его отец – мой лучший, единственный друг!

АРХИВАРИУС. Увы, сеньор.

БАРОН. *(Медленно.)* Очень жаль. *(Слуге.)* Ни дона Родриго, ни его отца в замок больше никогда не пускать.

СЛУГА. Слушаюсь.

Архивариус и Слуга уходят.

БАРОН. Графиня, дети наши выросли, и мы с вами стали одиноки. Не кажется ли вам, что мы должны предпринять решительный шаг?

ГРАФИНЯ. Не знаю, барон, надо подумать.

БАРОН. У молодых вся жизнь впереди, но они почему-то торопятся. Людям пожившим остается для счастья не так уж много времени, но они почему-то не спешат и всё думают.

ГРАФИНЯ. Видите ли, после мрачных месяцев моей супружеской жизни я дала зарок никогда не выходить замуж.

БАРОН. Я тоже боюсь ошибиться, но, как говорится, первая жена от бога, вторая – по заслугам. Соглашайтесь.

ГРАФИНЯ. Нет. *(Лукаво.)* Слово есть слово.

БАРОН. Из-за вашего упрямства мы оба будем несчастливы.

ГРАФИНЯ. Вы хотели сказать – из-за моих принципов.

БАРОН. Это одно и то же.

ГРАФИНЯ. Разница в том, что чужие принципы мы зовем упрямством, а свое упрямство – принципами.

БАРОН. А если я буду настаивать, умолять, требовать?

ГРАФИНЯ. Попробуйте. *(Улыбаясь.)* Боюсь, я не выдержу такого натиска.

Бегут, мелькают годы, приходит грустный час,
Взрослеют наши дети и покидают нас.
Мы больше не нужны им ни в счастье, ни в беде,
И слишком нам просторно в покинутом гнезде.

БАРОН. Прошу руки я вашей. С волнением жду ответ.

ГРАФИНЯ. Боюсь ответить «да» я, но не скажу и «нет».

БАРОН. Зачем же одиноко скучать нам и грустить?

ГРАФИНЯ. Опасно в наши годы ошибку допустить.

БАРОН.

Графиня, я не молод, но, право, и не стар,
Могу еще ответить ударом на удар.
Пусть годы не вернуть мне – зови их, не зови, –
Еще я не робею ни в битве, ни в любви.

ГРАФИНЯ.

Увы, не молода я, но, право, не стара,
И, кажется, девчонкой была еще вчера.

И нет в душе покоя, нет холода в крови,
Еще открыто сердце и счастьем, и любви.

ВМЕСТЕ.

Как быстро мчится время! Приходит грустный час,
Морщины тонкой сеткой ложатся возле глаз,
Но нет в душе покоя, нет холода в крови,
Еще открыто сердце и счастьем и любви.

Барон и Графиня уходят. Поспешно вбегают, запыхавшись, дон Родриго и Педро.

ДОН РОДРИГО. *(Облегченно.)* Ускользнули.

ПЕДРО. Эти подлые кредиторы преследовали нас всю дорогу. Если бы мы не успели укрыться в замке, вас бы упрятали в тюрьму за долги. Проклятые ростовщики стерегут теперь все выходы.

ДОН РОДРИГО. Это не страшно. Я женюсь и выйду отсюда богачом.

ПЕДРО. Осмелюсь напомнить, сеньор, что я не получал жалованья ровно два года и семнадцать дней.

ДОН РОДРИГО. И в этом причина твоей верности, Педро. И на службе, и в любви люди всегда преданы только тому, от кого еще не всё получили. *(Оглядывается.)* А здесь все по-старому.

ПЕДРО. *(Осторожно протягивает руку и срывает цветок.)* Кажется, стало немного потише.

ДОН РОДРИГО. Что, Педро, долгий был год, а?

ПЕДРО. По-моему, вы не очень тосковали: то пирушки, то охота, то донья Инес... Если невеста узнает про ваши измены...

ДОН РОДРИГО. Можно ли назвать изменой, когда ты пьешь бургундское, а сам все равно думаешь о токайском? Так что забудем про донью Инес. Просто для моих стихов мне нужен был жизненный материал.

Входит Слуга.

СЛУГА. *(Удивленно.)* Вы уже здесь, сеньор? Я очень сожалею, но господин барон приказал в замок вас не впускать.

ДОН РОДРИГО. Не впускать меня? Ты бредишь.

СЛУГА. Никак нет. Прошу вас немедленно уехать.

ДОН РОДРИГО. И не подумаю.

СЛУГА. Тогда я вынужден позвать капитана стражи.

ПЕДРО. *(Берет дубинку.)* Кого ты хочешь позвать, повтори? А то я что-то не расслышал.

ДОН РОДРИГО. *(Тоже было берется за шпагу, но потом передумывает.)* Послушай, любезный, ты знаешь, что такое сто дукатов?

СЛУГА. Только понаслышке.

ДОН РОДРИГО. Тогда договоримся так: я даю их тебе в лапу, а ты меня не видел.

СЛУГА. Сто дукатов?! Сеньор, я ослеп, оглох и онемел. Коли нужно, я могу и охрометь. *(Хромает.)*

ДОН РОДРИГО. Но если ты проболтаешься... То вот, видишь? *(Обнажает шпагу.)*

СЛУГА. Не вижу. Я вообще вас не вижу. Я нахожусь в пустом саду. Ау!

ДОН РОДРИГО. Вот и прекрасно. Теперь ступай.

СЛУГА. *(Мнется.)* А как насчет дукатов?

ДОН РОДРИГО. Получишь вечером.

СЛУГА. Покорнейше благодарю. *(Уходит.)*

ПЕДРО. Опять та же история – нас выгоняют. А за воротами ростовщики и тюремная стража.

ДОН РОДРИГО. Старый барон выжил из ума. Пойду посмотрю, куда можно пока скрыться.
(Уходит.)

Появляются Амаранта и Элиса.

ЭЛИСА. Никак это Педро?

ПЕДРО. Он самый.

АМАРАНТА. И дон Родриго тоже здесь?

ПЕДРО. Если хорошо поискать, то, может, и найдется.

ЭЛИСА. (Амаранте.) Я же вам говорила, что он вернется!

АМАРАНТА. Неужели это правда? Эй, Педро, подойди-ка сюда. Костюм у тебя порядочно изношен. Я думаю, десяток-другой дукатов тебе не повредит. (Дает ему кошелек.)

ПЕДРО. Премного благодарен.

АМАРАНТА. Как вы там прожили этот год с хозяином?

ПЕДРО. (Благочестиво.) Как отшельники. Каждое утро дон Родриго вставал в шесть часов, съедал корку хлеба, запивал ее холодной водой и принимался писать стихи в честь вашей милости. Потрудившись до самого вечера, сеньор шел в церковь помолиться о спасении своей души и сразу ложился спать.

АМАРАНТА. И неужели ни одна дама не отвлекала его от работы?

ПЕДРО. Упаси боже. Весь год он не спускал глаз с портрета вашей милости, а ночью брал его с собой в постель.

АМАРАНТА. Я смотрю, ты порядочный плут. Вот тебе еще – за верность хозяину. (Дает кошелек.)

ПЕДРО. Премного благодарен! Элиса, я думаю, самое время доставить сюда хозяина.

Педро и Элиса уходят. Входит дон Родриго.

ДОН РОДРИГО. Амаранта!

АМАРАНТА. Родриго!

Дон Родриго и Амаранта бросаются навстречу друг другу.

ДОН РОДРИГО. Как вы похорошели!

АМАРАНТА. Как я без вас тосковала!

ДОН РОДРИГО.

Я по жизни бродил, дни бесцельно губя,
Догонял миражи, верил в ложные клады,
Но с тех пор, как, любимая, встретил тебя,
Понял я, что другого мне счастья не надо.

АМАРАНТА.

Я хочу, чтоб судьба нас навеки свела,
Чтобы мы до конца своих дней не расстались,
Чтобы в милых глазах твоих, как в зеркалах,
Вечно счастье мое и любовь отражались.

ДОН РОДРИГО.

Жизнь приманки бросает на нашем пути,
К власти, славе, успеху стремятся невежды,
Всем по-разному хочется к счастью прийти,
У меня ж один путь, одна цель и надежда!

ВМЕСТЕ.

Я хочу, чтоб судьба нас навеки свела,
 Чтобы мы до конца своих дней не расстались,
 Чтобы в милых глазах твоих, как в зеркалах,
 Вечно счастье мое и любовь отражались.

Амаранта и дон Родриго уходят. Входят Элиса и Педро.

ПЕДРО. Элиса, я по тебе очень скучал. Я даже хотел привезти тебе подарок...

ЭЛИСА. Но конечно, забыл?

ПЕДРО. Видишь ли, крошка, хозяин уже два года и семнадцать дней не платит мне ни гроша и только кормит обещаниями.

ЭЛИСА. Ну вот, еще не успел познакомиться, как начал жаловаться на жалование. Мне тоже в услужении несладко приходится, но я же не грущу.

Поют и танцуют.

Нам выпало великое везение –
 Жить и трудиться в средние века.
 Хотя порой живется ниже среднего,
 Привыкла я держаться до последнего,
 И носа я не вешаю пока.

ПЕДРО.

Баронам – тем хватает пропитания,
 У нас же вовсе высохли бока,
 А в среднем – вроде сыты все в Испании,
 Пусть вместо денег дарят обещанья мне,
 Но носа я не вешаю пока!

ЭЛИСА.

Я не грущу – живется просто здорово,
 Раз варит лучше среднего башка!
 Имею я – скажу вам правду голую,
 Пустой карман – но не пустую голову,
 И носа я не вешаю пока!

ВМЕСТЕ.

Нам выпало великое везение –
 Жить и трудиться в средние века.
 Хотя порой живется ниже среднего,
 Привыкли мы держаться до последнего,
 И носа мы не вешаем пока.

Элиса и Педро уходят. Входят Барон, Графиня, Монах и Слуга.

БАРОН. *(Взглянув на часы.)* Через полчаса год кончится, и мы отпразднуем свадьбу Амаранты. *(Слуге.)* Украсьте замок. Позовите музыкантов и танцоров. *(Графине.)* Обстоятельства изменились, и теперь мы сможем их поженить.

ГРАФИНЯ. Я очень рада.

Входят Амаранта и дон Фелис.

БАРОН. Здравствуйте, дети. *(Монаху.)* Приготовь все к венчанию. А после свадьбы придется тебя повесить. Мне очень жаль, но я дал тогда слово.

МОНАХ. Я надеялся, что вы забыли об этом.

БАРОН. Порядочные люди не забывают своих обещаний.

МОНАХ. Знаете, о чем я часто мечтаю? Чтоб я хоть на час стал бароном, а вы – бедным монахом.

БАРОН. Кто не мечтает стать хотя бы на час начальником своего начальника? Танцоры готовы?

АМАРАНТА. Я не понимаю... Что это означает?

БАРОН. Успокойтесь, дети, все испытания позади. Теперь вы можете пожениться. *(Соединяет молодым людям руки.)*

АМАРАНТА и ДОН ФЕЛИС. *(После минутного оцепенения.)* Никогда!

БАРОН. Что «никогда»?

ДОН ФЕЛИС. *(Смиренно.)* После зрелого размышления мы решили подчиниться родительской воле.

БАРОН. Но теперь наша воля в том, чтобы вы сочетались браком.

ДОН ФЕЛИС. Мы не хотим.

ГРАФИНЯ. Но почему?

АМАРАНТА. Не хотим, и все.

ГРАФИНЯ. Но должна же быть какая-то причина.

ДОН ФЕЛИС. *(Благочестиво)* Я решил посвятить себя богу.

БАРОН. Он помешался.

ГРАФИНЯ. *(Удивленно.)* Ты хочешь стать монахом?

ДОН ФЕЛИС. Да, мама. Архиепископом.

БАРОН. *(Решительно.)* На вас обоих снова нашла какая-то блажь, но я не намерен с ней считаться. Хотите вы этого или нет, но через десять минут я вас обвенчаю.

ДОН ФЕЛИС. Никогда! Лучше смерть!

АМАРАНТА. Я умру вместе с ним!

Бой часов.

ДОН ФЕЛИС. *(Торжествуя.)* Пять часов! Год кончился!

АМАРАНТА. Ура!

ДОН ФЕЛИС. Прощайте! *(С мечом в руках открывает подземный ход.)*

БАРОН. Хватайте его! Эй, стража!

АМАРАНТА. *(Преграждая путь стражникам.)* Фелис, беги скорее!

ДОН ФЕЛИС. *(Прыгая в подземный ход.)* Все! Я – свободен!

Дон Фелис исчезает. Через некоторое время за стеной раздаются громкие крики и шум свалки.

ГРАФИНЯ. *(Слуге.)* Скорее узнай, в чем дело.

Слуга спешит за доном Фелисом.

БАРОН. Да, монах, твое средство оказалось безотказным.

МОНАХ. Иначе и не могло быть. Любовь не боится ничего, кроме повседневности.

СЛУГА. *(Возвращаясь.)* Какие-то люди схватили дона Фелиса и волокут его в тюрьму за долги.

БАРОН. Какие долги, какая тюрьма, что за чушь?

ГРАФИНЯ. Это ошибка. Беги, скажи, что его с кем-то спутали.

БАРОН. *(Амаранте.)* Ну, что прикажешь теперь с тобой делать?

АМАРАНТА. Когда-то ты просил меня выйти замуж за дона Родриго.

БАРОН. И что?

АМАРАНТА. Я согласна.

БАРОН. Ни за что и никогда.

АМАРАНТА. Почему?

БАРОН. Выяснилось, что я в ссоре с его семьей.

АМАРАНТА. Ты в ссоре со всеми женихами Испании. Из-за тебя я останусь старой девой.

БАРОН. Ну, девой, ты, слава богу, уже не останешься.

Входят дон Родриго и Педро.

Дон Родриго? Как вы сюда попали?

ДОН РОДРИГО. Год кончился, и я пришел за обещанным.

БАРОН. Обстоятельства изменились. Вы теперь мой враг, и я не отдам вам Амаранту.

ПЕДРО. Сеньор, нам крышка!

ДОН РОДРИГО. Барон, откуда столь внезапная холодность? Ведь мой отец спас вас от смерти.

БАРОН. А я вас спасаю от женитьбы. Услуга за услугу. А обещанные дукаты вы получите, если откажетесь от Амаранты. Согласны?

ПЕДРО. Сеньор, мы спасены!

ДОН РОДРИГО. Не согласен.

ПЕДРО. Ваша милость! Вспомните о долгах и тюрьме!!

ДОН РОДРИГО. Пошел прочь! Барон, я требую вразумительных объяснений.

БАРОН. Видите ли... Наши предки дали клятву враждовать...

АМАРАНТА. Вы, дон Родриго, происходите от графа, с которым у нашего предка был поединок из-за прекрасной Юлии де Кастро.

БАРОН. А тебе это откуда известно?

АМАРАНТА. Я за этот год провела немало времени в архиве. Знаете, что произошло после того знаменитого поединка?

БАРОН. Очевидно, Юлия вышла замуж за победителя – за барона.

АМАРАНТА. Ничего подобного. Она сбежала с побежденным графом. Взбешенный барон поклялся, что его семья никогда не породнится с их потомками.

БАРОН. Правильно сделал. Я подтверждаю эту клятву.

АМАРАНТА. Не торопись, папа. Ты сейчас пожалеешь об этом. Что до меня, то я никаких клятв не давала, и потому ничто не мешает мне принадлежать дону Родриго. Если он, конечно, согласен.

ДОН РОДРИГО. *(Обнимая Амаранту.)* И ты еще сомневаешься?

БАРОН. Постойте, молодые люди, не так шустро. Я все равно не согласен.

АМАРАНТА. Но это же глупо, папа.

БАРОН. *(Удрученно.)* Знаю, но что я могу поделать? Соблюдение слова было всегда для меня законом. Так что, дон Родриго, прощайтесь с Амарантой и покиньте замок.

АМАРАНТА. *(С легким злорадством.)* Кстати, папа, я не успела тебе сказать, что графиня происходит из рода той доньи Юлии и, стало быть, является твоим врагом. Ты только что подтвердил эту клятву.

БАРОН. *(Он ошеломлен.)* Как! Это правда?

ГРАФИНЯ. Возможно. Я – урожденная де Кастро.

БАРОН. *(В отчаянии.)* Тогда я не могу на вас жениться! *(Грустно.)* Неудобство принципов начинаешь понимать только тогда, когда применяешь их к самому себе.

Унылое молчание.

ДОН РОДРИГО. Барон, я, кажется, нашел выход.

БАРОН. Говорите.

ДОН РОДРИГО. Наши роды взаимно оскорблены. Но разве оскорбление нельзя смыть кровью?

БАРОН. (*Воспрянув.*) Можно, черт побери!

ДОН РОДРИГО. Так в чем же дело? Или мы не мужчины? Одна небольшая, я бы сказал, игрушечная дуэль между нами – и ссора закончена.

БАРОН. Дайте я вас расцелую, Родриго! Вы мне снова дороги, как сын.

ДОН РОДРИГО. Значит, согласны?

БАРОН. Да, только с одной поправкой. Я солдат и не привык к игрушечным поединкам. Дуэль так дуэль. По-настоящему!

ДОН РОДРИГО. Идет!

БАРОН. Эй, подать мне шпагу!

АМАРАНТА. Папа, ты с ума сошел! Он же наша национальная гордость!

БАРОН. Дочка, не вмешивайся. Это не женского ума дело.

АМАРАНТА. (*Бросаясь к дону Родриго.*) Родриго, он ведь мой папа!

ДОН РОДРИГО. Не беспокойся. Я постараюсь его не убить, а только ранить.

ГРАФИНЯ. Барон, я боюсь потерять вас. Помните об этом.

БАРОН. Не волнуйтесь, дорогая. Тридцать лет я провел в боях.

СЛУГА. Вот шпага, господин барон.

БАРОН. (*Пробуя шпагу.*) Наша?

СЛУГА. Нет, импортная.

БАРОН. Прекрасно. Начали!

Противники устремляются друг на друга.

АМАРАНТА. Прекратите, прошу вас!

Поединок продолжается.

ГРАФИНЯ. Барон, достаточно!

АМАРАНТА. Перестаньте же!

Мужчины не обращают на женщин внимания.

Ах так! (*Слугам.*) Эй, подать сюда шпагу!

ГРАФИНЯ. (*Темпераментно.*) Две!

Слуга поспешно подает женщинам шпаги. Схватив оружие, они смело бросаются разнимать Барона и дону Родриго.

ДОН РОДРИГО. (*Ошеломленно, Амаранте.*) Милая, ты с ума сошла!

АМАРАНТА. (*Тесня дону Родриго.*) Бросай оружие!

ГРАФИНЯ. (*Делая выпад.*) Барон, если вы так любите сражаться, я к вашим услугам.

ДОН РОДРИГО. Лично я сдаюсь.

БАРОН. (*Поднимая руки.*) Я тоже. Впервые в жизни. Я и не подозревал, что это может быть так приятно.

ГРАФИНЯ. Миритесь!

БАРОН. Слушаюсь. (*Обнимается с доном Родриго.*)

ГРАФИНЯ. А теперь миритесь с нами!

Дон Родриго обнимает Амаранту, Барон – Графиню.

АРХИВАРИУС. (*Вбегая.*) Господин барон, важная новость!..

БАРОН. *(Топая ногами и затыкая уши.)* Хватит!!!

Входит дон Фелис в лиловой мантии архиепископа.

ГРАФИНЯ. Фелис, это ты?

ДОН ФЕЛИС. Да, мама. Меня уже сделали архиепископом.

МОНАХ. *(Почтительно целуя Дону Фелису руку.)* Поздравляю, ваше преосвященство.

ДОН ФЕЛИС. Барон, я освобождаю вас от клятвы повесить этого достойного монаха.

БАРОН. Я прощаю его, ваше преосвященство.

Монах еще раз целует руку дону Фелису.

ГРАФИНЯ. А я... *(Смущенно.)* А я выхожу замуж.

ДОН ФЕЛИС. *(Величественно осеняя Барона и Графиню крестом.)* Благословляю вас, дети мои.

АМАРАНТА. *(Смущенно.)* Я тоже выхожу замуж.

ДОН ФЕЛИС. *(Довольный.)* И слава богу.

ЭЛИСА. И я.

Дон Фелис благословляет обе пары.

МОНАХ. Эй, музыканты! Танцоры! За дело! Мы празднуем тройную свадьбу!

АМАРАНТА. Папа, снимай доспехи. Рыцарство вышло из моды. Спектакль окончен.

ХОР.

Суждено латам пылью покрыться ли?

Для музеев доспехи готовы...

Но мужчина всегда будет рыцарем,

Если движет им честь и любовь.

Сколько разного в мире встречается,

Сколько нравов, эпох, языков,

Но всегда и у всех повторяются,

Встречи, ревность, разлука, любовь.

Чередуется май с листопадами,

Все бывшее рождается вновь,

Но осталась никем не разгаданной

Эта вечная тайна – любовь.

Конец